

Смыслы мест и места смыслов

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.2
EDN: GGSBXI

«Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора)¹

Ссылка для цитирования:

Лаврусевич П. Е. «Это все мое, родное!»: чувство места в контексте неформального природопользования (кейс Караканского бора) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 4. С. 25–43. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.2> EDN: GGSBXI

For citation:

Lavrusevich P. E. (2024) "It Is All Mine, Native!": A Sense of Place in the Context of Informal Nature Management (the Case of Karakansky Pine Wood). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 16. No. 4. P. 25–43. <https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.4.2>

Лаврусевич Полина Евгеньевна

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия
E-mail: p.lavrusevich@g.nsu.ru

В статье раскрывается аналитический потенциал концепции чувства места в приложении к таким крупным природным объектам, как пригородные леса. На основании данных этнографического исследования, проведенного в 2021–2022 годах в Новосибирской области, показано, как биофизические характеристики природно-антропогенного ландшафта, преломляясь через историю жизни и индивидуальный опыт природопользования, участвуют в формировании привязанности к месту, зависимости от места, идентификации с местом и удовлетворенности им. Компоненты чувства места одновременно включают рациональные и иррациональные составляющие, добровольность и вынужденность, выбор и отсутствие такового. Личный опыт пользователей бора — сельских жителей, дачников-горожан

¹ Статья подготовлена по итогам реализации проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией» при участии Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники». Руководитель проекта И. А. Скалабан, участники П. Е. Лаврусевич, Т. Д. Алексеев, Е. А. Грач, А. В. Дубынин.

и горожан-туристов — характеризуется различной степенью укорененности в ландшафте, которая качественно и количественно измеряется длительностью постоянного и сезонного проживания, наличием поколенческих связей с местом, особенностями практик природопользования. Опыт места, формирующий ценность места и через него компоненты чувства места, может быть как унифицирующим, создающим безусловную ценность, не основанную на сравнении (родные места), так и индивидуализирующим, создающим сравнительную удовлетворенность и привязанность к месту (ресурсность места). Сильные эмоциональные переживания единения с природой уравниваются, а часто подкрепляются хозяйственными трудностями, что в результате приводит к восприятию места не только как «лучшего», но и как «родного», «своего».

Ключевые слова: чувство места; привязанность к месту; зависимость от места; идентификация с местом; удовлетворенность местом; неформальное природопользование; Караканский бор

Введение

Локальная территориальность традиционно привлекает внимание социальных исследователей, что реализуется в изучении местных сообществ, малой родины, восприятия окружающей среды и жилого пространства, отражается в разнообразных городских и сельских исследованиях. Возможен ли перенос исследовательской повестки на природно-антропогенные ландшафты, одной из вариаций которых выступают пригородные лесные массивы? Такие территориальные комплексы отличаются множественностью агентов природопользования, среди которых представлены сельские жители и горожане-дачники разной степени укорененности, туристы выходного дня, словом, социальные агенты — носители различных формальных и неформальных практик природопользования. Понятие природопользования имманентно включает в себя не только деятельность составляющую, но и содержит вопрос об отношении к предмету действия — окружающей среде. Как социальный агент понимает себя и свое положение в окружающей среде, что определяет наблюдаемые отношения пользователей леса между собой и к природному ландшафту? Чувство места является одной из концептуальных рамок, которая позволит проанализировать обозначенную проблематику.

Выбранный эмпирический кейс — Караканский бор — обладает такими устойчивыми особенностями природно-антропогенного ландшафта, как гетерогенность социального состава резидентов бора и вариативность практик природопользования. Спецификой Караканского бора является его административная мозаичность. Территориально бор расположен в границах четырех муниципальных районов (Ордынского, Сузунского и Искитимского в Новосибирской области и Каменского — в Алтайском крае). Для всех центров местного управления пространство бора является своеобразной

окраиной, что, с одной стороны, приводит к определенной несогласованности регулирования, с другой — создает поле для социальной самоорганизации. Дополнительную лепту вносит значительная протяженность бора вдоль Новосибирского водохранилища, отделяющего территорию бора от административного центра Ордынского района, в границах которого расположена большая часть лесного массива. Создание в августе 2022 года региональной особо охраняемой природной территории (ООПТ) — природного парка «Караканский бор»² до настоящего времени не повлекло каких-либо конкретных действий.

На примере Караканского бора можно зафиксировать как традиционные практики природопользования, характерные для боровых сельских поселений, так и различные рекреационные практики горожан — от классических дачных до стихийного стояночного туризма. На территории бора, протянувшейся на 100 км с севера на юг, расположены не менее 20 сельских поселений, в разной степени ощущающих на себе влияние сезонной субурбанизации. Среди них встречаются и села, не имеющие заметных колебаний численности населения в течение года, и дачные поселки, формально сохранившие административный статус деревень, в которых численность постоянного населения в зимнее время не превышает 10 человек, а летом размеры населенного пункта возрастают до 500 жилых дворов. Традиционно в бору присутствует еще одна категория пользователей — стихийные туристы, осваивающие протяженную береговую линию Обского водохранилища. Некоторые представители этой группы возвращаются в бор на протяжении 40 лет (первые эмпирические свидетельства отмечают самую раннюю точку как 1974 год). Теплый для Сибири водоем в сочетании с природно-климатическими характеристиками соснового бора сформировали высокую рекреационную привлекательность территории для жителей не только Новосибирской области, но и близлежащих регионов (Томской, Омской, Кемеровской областей).

Ценность Караканского бора как исследовательского кейса в том, что он позволяет проанализировать чувство места на разных уровнях: от локального масштаба туристической стоянки или сельского поселения до уровня географического объекта — Караканского бора. Кроме того, гетерогенный социальный состав пользователей бора дает возможность пронаблюдать, как индивидуальная жизненная траектория соединяется с историей бора, как один и тот же природный объект отражается в чувстве места (и его составляющих) разных социальных агентов.

Цель статьи — проанализировать составляющие чувства места разных социальных агентов в контексте их опыта природопользования, взаимосвязи индивидуальной истории и истории бора.

² Постановление Правительства Новосибирской области от 17.08.2022 № 389-п «О создании особо охраняемой природной территории регионального значения — природного парка „Караканский бор“ Новосибирской области и об утверждении Положения об особо охраняемой природной территории регионального значения — природного парка „Караканский бор“ Новосибирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5400202208170001?ysclid=locztpwwu9766510228> (дата обращения: 05.04.2024).

Аналитический потенциал категории «чувство места»

Основополагающая характеристика чувства места состоит в наделении части пространства определенной ценностью, смыслом, что является условием трансформации унифицированного пространства в персонализированное место [Tuan, 1977: 6]. В самом общем виде чувство места как социально-психологическая категория определяется как «аффективная связь между людьми и конкретными местами» [Hidalgo, Hernandez, 2001: 274]. Важно отметить, что место характеризуется не только эмоциональной составляющей, но соединением физических и культурных характеристик пространства с эмоциональным восприятием и функциональными потребностями индивида [Bott et al., 2003: 101]. Именно внутренняя сложность и многосоставность чувства места выступают одновременно и устойчивой базой, и своего рода вызовом для исследователя: «место является многоуровневой социально-экологической системой, оно не может быть сведено ни к биофизическому измерению, ни к его различным социально сконструированным значениям» [Eanes et al., 2018]. Чувство места представляет собой продукт взаимодействия с местом, «при котором место ассоциируется у человека с личностными смыслами, воспоминаниями, историей жизни» [Резниченко, 2014: 17]. Источник конструирования смыслов пребывает в поведении, именно оно определяет специфику места [Филиппов, 2002], что обращает внимание на опыт места как ключевой фактор формирования чувства места.

Трехкомпонентная структура чувства места включает в общем равнозначные составляющие: зависимость от места (place dependence), идентификацию с местом (place identity) и привязанность к месту (place attachment) [Jorgensen, Stedman, 2001; Nanzer, 2004; Moore, Graefe, 1994; Резниченко, 2014]. Вариативно зависимость от места и идентификация с местом сообразуют значение места (place meaning), которое в совокупности с привязанностью к месту конституирует в итоге чувство места [Williams, 2014]. Привязанность к месту отвечает за эмоциональную компоненту отношения человека к месту, определяет аффективный аспект феномена, когнитивная компонента заключается в идентификации с местом, отражает свойства индивидуальности, связанные с местом, и, наконец, ценностная компонента, которой соответствует деятельностный аспект чувства места, проявляет себя через зависимость от места [Резниченко, 2014]. В этом смысле зависимость от места сильнее и осязаемее привязанности к месту, поскольку подразумевает реализацию конкретных действий. Горан Эрфани корректирует список компонент, включая «удовлетворенность местом» (place satisfaction) взамен зависимости от места, акцентирует внимание на функциональных ожиданиях и ценностях, которые место предлагает индивиду или сообществу [Erfani, 2022]. Названные компоненты чувства места тесно переплетены и взаимозависимы. Так, например, сильная эмоциональная привязанность к месту может увеличивать зависимость от него, которая, в свою очередь, вносит свой вклад в идентификацию с местом.

Динамику категории чувства места определяет не только взаимообусловленность составляющих ее компонентов, но и наблюдаемая динамика

отношений между социальными агентами. Отмеченная выше множественность и гетерогенность социального состава пользователей бора определяет неоднородность чувства места по отношению к каждому конкретному месту, каждой локальности, поскольку они «построены из определенного созвездия социальных отношений, встречающихся и сплетающихся вместе в определенном локусе» [Massey, 1991: 28].

Традиционной точкой приложения концепции чувства места в прикладных исследованиях является проблематика жилого пространства и локальной жилой среды [см., напр.: Дом и его обитатели..., 2018; Cuba, Hummon, 1993; Williams, Kitchen, 2012], процессов формирования идентичности [Жердева, 2015; Головнева, 2017]. Иное тематическое направление состоит в изучении чувства места применительно к пространствам большего масштаба, в биорегиональном измерении. В этом случае биофизические характеристики ландшафта выступают фактором формирования отдельных компонент чувства места [Stedman, 2003]. Такой поворот исследовательского вопроса снижает градус социальности чувства места, отчасти заземляет данную категорию. Значения и смыслы, которые определяют место, «основаны на опыте взаимодействия как с физическим ландшафтом, так и с социальными субъектами в нем» [Stedman, 2003: 824], что в итоге приводит к дифференциации чувства места у социальных агентов. Сюзанна Кианика с коллегами выяснили, что при сходных условиях сельского поселения в горах Швейцарии чувство места туристов и местных жителей формируется под влиянием различных групп факторов. Для местных жителей значимы повседневные практики: занятость и социальные отношения, а также воспоминания детства и юности [Kianicka et al., 2006: 61]. Для туристов на первый план выходят эстетическое восприятие места и опыт досуговой деятельности, который варьируется в зависимости от частоты посещения места и длительности пребывания [Kianicka et al., 2006: 62].

Актуальность биорегионального подхода в настоящем исследовании обусловлена локальной значимостью Караканского бора как рекреационного бренда, экосистемными свойствами данного лесного массива и устойчивой хозяйственной, исторической и социальной связанностью пространства бора [Скалабан, Алексеев, Лаврусевич, 2024: 120–123]. Биорегиональный подход определяет взгляд на бор как на «географическую единицу, отмеченную экологическим и культурным единством» [Sale, 2000: 110], ориентацию на локальные сообщества и историю конкретной топологической единицы — как детерминант идентификации человека с местом [Рагулина, 2006: 111].

Масштаб места (scale of place) [Ardoin et al., 2019; Nanzer, 2004] и длительность проживания [Gallina, Williams, 2015] представляют собой еще одну группу дифференцирующих факторов, влияющих на формирование и проявление чувства места. В целом исследования предшественников демонстрируют вариативность результатов в зависимости от текущего социального контекста и физических, исторических и культурных особенностей территории [Ardoin, 2014].

Методология исследования

Информационную базу исследования составили данные проекта «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией». В рамках проекта состоялись пять социологических экспедиций: в июле — августе 2021 года, сентябре 2021 года, феврале 2022 года и в июле 2022 года (всего 43 дня), объединенные программой этнографического исследования. Методы сбора первичных данных заключались в невключенном, слабоструктурированном наблюдении, картографировании береговых туристических стоянок в северной части бора, полужормализованных интервью (96 интервью общей продолжительностью более 70 часов) и свободных беседах. Общий массив данных включает транскрипты интервью и дневниковые записи (более 100) участников исследовательской группы. Дневниковые записи содержат насыщенное описание экспедиционных наблюдений и расшифровку свободных бесед. Информанты являются представителями разных социальных групп: жители сельских поселений (58 информантов, в том числе главы сельских поселений, фермеры и т. д.), горожане-дачники (17 информантов) и горожане-туристы (12 информантов). Также в выборку включены нерезиденты Караканского бора (общественные активисты, глава экологического фонда, владелец рекреационного бизнеса) и информанты, так или иначе связанные с лесной отраслью (владельцы и сотрудники лесоперерабатывающих предприятий, егеря, лесники), однако такой «управленческий» взгляд на бор для данной работы скорее остается за рамками исследовательского интереса. Количественное распределение информантов в выборке обусловлено фактической доступностью отдельных категорий и содержательной емкостью каждого интервью с позиции достижения поставленных задач. Указать точное количество свободных бесед с пользователями бора затруднительно, поскольку они представляли собой как несколько фраз, так и достаточно продолжительный информативный разговор. Гайд интервью корректировался тематически в соответствии с категорией информантов, в первую очередь их пользовательским статусом по отношению к бору. Ключевые блоки гайда затрагивали тематику личного опыта природопользования, отношений с окружающей средой и другими пользователями бора. Обработка и анализ первичных данных осуществлялись посредством процедуры тематического кодирования, для проведения которого использовалось программное обеспечение QualCoder³.

Ключевой характеристикой, дифференцирующей действующих в бору агентов, является их опыт места как одновременно обобщенная и конкретизирующая характеристика личного опыта природопользования, в том числе динамично конституирующая самих социальных агентов [Pilkington, 2012]. Критериями его служат совокупность практик места, длительность

³ Curtain C. (2024) QualCoder 3.10. Github. URL: <https://github.com/ccbogel/QualCoder> (accessed: 10.02.2024).

пребывания и характер укорененности. Они являются, с одной стороны, инструментами классификации самих агентов природопользования, с другой — детерминантами отдельных компонент чувства места. Как объединяющим, так и дифференцирующим фактором для дачников и сельских жителей является длительное проживание в сельском поселении (сезонное или постоянное) и потенциальная возможность выбора места этого проживания. Среди дачников встречаются и те, кто уже в сознательном возрасте приобрел участок в одном из поселений бора, и наследники коренных жителей села. Сельские жители являются таковыми по факту рождения либо в результате переезда в сельскую местность во взрослом возрасте. Зафиксировать эти критерии дифференциации необходимо потому, что они создают разные точки отсчета и условия для возникновения чувства места, а впоследствии и удовлетворенности им. Далее в процессе анализа будет продемонстрировано, как общее/различное в опыте места разных агентов природопользования ведет к общности/расхождению в компонентах чувства места.

Привязанность к месту: рациональные и иррациональные основания, личная история и история бора

Привязанность к месту как эмоциональный компонент чувства места проявляет наибольшую коннотацию с биофизическими характеристиками ландшафта, с его рекреационными ресурсами. Классическое сочетание «солнце, воздух и вода» в данном случае является наиболее подходящей ассоциацией. Более точно будет обозначить биофизические характеристики ландшафта как основание для возникновения привязанности, сам предмет эмоционального восприятия пространства.

Эти отношения касаются в первую очередь дачников-горожан, описывающих свои впечатления от пребывания в Караканском бору:

«Я, конечно, была шокирована, оттого что здесь в близости вода, бор — то, что я люблю. И деревня. Мы прошли всюду. Я была в восторге от запаха, от воздуха от чистого, аж опьяняющий такой» (дачница, в боровой деревне с 1994 года).

Описание собственных впечатлений превалирует над характеристикой формальных преимуществ локации в процессе выбора места для сезонного проживания. Оценки дачников-горожан могут содержать не только глубокие эмоциональные переживания, но и элемент сакрального в описании бора (даже с поправкой на некоторую демонстративность нарратива перед новичком-интервьюером). Эти переживания усиливаются и кристаллизуются с увеличением длительности пребывания, обретают форму своеобразного личного предания:

«С двенадцати лет, когда я здесь уже более-менее осмысленно появился... ощущение, что места лучше просто нету, что вот это и есть, собственно, земной рай» (дачник в боровой деревне).

Тесное переплетение, сращивание личной истории с историей бора — то, что отличает основания привязанности местных жителей, и то, что роднит их с укорененными, «почти местными» дачниками:

«Так что для нас этот лес? Только грибы и ягоды?... Мы здесь и дружили, и гуляли, и все, мы здесь выросли, сидели под сосенками» (коренная жительница села).

Бор не просто притягивает — он не отпускает, причем даже на ближайšie сельские территории:

«Есть такие дурочки, как я. Ну, люблю я лес и свою деревню, девчонки у меня в Сузуне живут, а я никуда не поеду» (коренная жительница боровой деревни).

Аналогичная высокая эмоциональная ценность природного ландшафта для местных жителей преимущественно старшего возраста была зафиксирована в исследовании, реализованном в соседнем сельском районе Новосибирской области, в рабочем поселке Сузун [Скалабан, Серебрянникова, 2014].

Дифференцирующим фактором выступает критерий добровольности/вынужденности проживания на территории поселений Караканского бора, определяя различие восприятия рекреационных ресурсов бора. Если для дачников уединение, удаленность от мегаполиса являются ценностью (хотя и здесь есть элемент предустановленности в случае наследования дачи), личным предпочтением, то для местных жителей природные красоты являются обстоятельством, компенсирующим эти неудобства. Схожее различие фокусов внимания к отдельным характеристикам ландшафта и их роли в формировании отношения с местом для туристов и местных жителей были зафиксированы в ходе исследования, проведенного в горном сельском поселении в Швейцарии [Kianicka et al., 2006].

«Прорваться сюда было — это как на другую планету. Ну да, это вдвойне ценно было, потому что ты сюда попадаешь, ты попадаешь уже в совершенно другой мир» (дачники).

«Потому что жить здесь очень трудно [из-за изолированности], у нас тут сосновый бор, это само по себе как-то бодрит, много колков березовых, я вообще их люблю... поляны, опушки клубничные, оно, действительно, очень на душу и на состояние физическое действует хорошо» (жительница села).

Бор с его осязаемыми и неосязаемыми ресурсами отчасти компенсирует социальные и экономические проблемы, с которыми сталкиваются местные жители, является своеобразной отдушиной. Жители боровых поселений — совсем не обязательно фанаты бора, однако именно этот тип природного ландшафта в силу его неперемennого фонового присутствия определяет для них чувство «дома».

Несмотря на принципиальное различие формального статуса, глубокая укорененность в пространстве бора, причем в географически различных локациях, для разных категорий пользователей бора — сельских жителей, дачников и туристов-старожилов — является универсальным основанием привязанности к месту, что проявляется в описании своих переживаний в сходных языковых формах.

«Мы дорожим этим местом. Здесь дети выросли. Столько воспоминаний» (туристы-старожилы на берегу Обского водохранилища, опыт пребывания более 30 лет).

«Мы здесь прожили, мы здесь родились, понимаете? Мы выросли, и он [бор] — часть нас» (коренные сельские жители).

«Я вот здесь с года. Выросла тут... У меня бабушка тут с Нижнекамки... нас тут каждый год раньше привозили на каникулы. Потом выросли, детей своих сюда возили» (дачница, владелица базы отдыха в береговом поселении).

Важная отличительная характеристика укорененных туристов — возвращение на одно и то же место, т.е. возникновение привязанности, как у других агентов природопользования, дачников и местных жителей, хотя какой-либо физический якорь в виде недвижимости у них отсутствует.

«Тянет. Сидишь дома зимой и думаешь: скорее бы весна, и чтоб сюда вот поехать на майские, первого мая» (туристы-старожилы, на берегу Обского водохранилища с 1978 года).

Именно этот факт показывает бóльшую эмоциональную привязанность, а режим присутствия является практически дачным:

«Когда перестроечные времена были и работы не было вообще, мы жили здесь, то есть как приезжаешь в мае, так и в сентябре уезжаешь отсюда» (туристы-старожилы, на берегу Обского водохранилища с 1978 года).

Для сельских жителей, в отличие от всех остальных категорий, характерны иррациональные характеристики привязанности, невозможность ее «препарировать», выделить конкретные детерминанты.

«Как родилась, так и живу, съездила отучилась, вернулась... Мне нравится наша деревня, да, у меня тут родители живут, у меня тут брат, сын... Просто мы выросли в этом бору, мы к нему привыкли... Да и для нас это в порядке вещей: есть он и есть» (коренная жительница села).

Иррациональные составляющие привязанности к месту отмечаются и среди дачников, особенно в том случае, когда характер укорененности принимает форму поколенческой связи. Привязанность к памятным местам детства и юности во взрослом возрасте рационализируется через специфические характеристики места и усиливается, приумножается за счет родственных связей.

«Отдаленность от суеты в первую очередь, это уже осознанное, взрослое. А в детстве — куча занятий, вода, лес, мотоциклы... Плюс у меня здесь и дед, и отец похоронены, это у меня уже как родовое гнездо» (дачник из боровой деревни).

В результате можно выделить различные основания для формирования сильной привязанности к месту, которое «тянет» и «не отпускает». Это такие универсальные для любой локации количественные и качественные характеристики опыта места, как длительность пребывания и степень укорененности, исходная точка формирования привязанности. Специфическими для Караканского бора факторами являются его природно-климатические, территориальные особенности, которые на первом этапе более значимы для дачников-горожан, естественным образом сравнивающих бор с другими известными им типами ландшафтов. Сочетание этих факторов обладает кумулятивным эффектом: природные красоты подкрепляются детскими воспоминаниями, «родовое гнездо» является безусловным якорем, вокруг которого организуются сегодняшние рекреационные практики.

Идентификация с местом: «почти местные» дачники

Идентификация с местом из всех компонент чувства места в наибольшей степени вариативна и непредсказуема. В зависимости от категории агента природопользования, его укорененности и статуса по отношению к месту, идентификация с местом может совпадать с локальной территориальной идентичностью, пересекаться с ней или представлять собой частный случай периферийного самоопределения агента природопользования, выражающийся в соотношении себя, своей деятельности с местом.

Крайними точками идентификационного континуума выступают коренные жители караканских сел и деревень, родившиеся и прожившие всю свою сознательную жизнь в конкретном поселении, и туристы выходного дня, разово посещающие бор в рекреационных целях. Шкалы обозначения себя в терминах «своих» и «чужих» сильно варьируются в зависимости от локального сообщества и референтной группы.

Сельская жительница, прожившая в поселении два-три десятка лет, но не родившаяся в нем, не считает себя местной:

«Мы-то сюда приезжие, я с восьмидесятого года пошла здесь в школу. Я-то не родилась здесь, не местный житель, но я всю жизнь, ну, как сказать, прожила» (жительница села).

Одновременно дачник-горожанин, за такой же период освоивший бор и воспитывающий здесь уже второе-третье поколение детей и внуков, однозначно определяет себя как местного, а пространство как свое, и противопоставляет приезжим горожанам. Построение идентификации через оппозицию также отмечается Е. Головневой в рамках исследования сибирской региональной идентичности [Головнева, 2017].

«Местные жители отличаются от городских... Уже у детей мы прививаем трепетное отношение к нашему бору. А городские, конечно, простите меня, очень нехорошо ведут себя, многие, не все, конечно» (дачник из боровой деревни).

Надо отметить, что варьируются не только шкалы идентификации с местом, но и сам пространственный объект соотнесения. Жители сел говорят о населенном пункте, дачники-горожане чаще имеют в виду бор в целом, а туристы-старожилы оперируют локальным обозначением туристической стоянки и отчасти прилежащим освоенным пространством бора. Дифференцированы не только основания идентификации с местом, но и масштаб места (scale of place), что согласуется с исследованиями чувства места, проведенными американскими авторами [Ardoin et al., 2019; Nanzer, 2004].

Спецификой дачных караканских поселений является их официальный статус сельских населенных пунктов, что определяет значимость родственных, поколенческих связей для идентификации с местом. Такая укорененность имеет больший вес как для самоидентификации, так и для вхождения в локальное сельское сообщество, что в целом характерно для российских провинциальных обществ. «Критерием „свойства“ не является только время жизни в общине; главное здесь — признание самой общиной этого человека своим» [Плюснин, 2013: 62]. Длительность пребывания приобретает особую значимость для агентов природопользования, не рассчитывающих на родственную укорененность. Дачники-горожане в своих нарративах проактивно подчеркивают свой стаж природопользования как критерий локального статуса:

«У нас здесь дача уже сколько? Сорок восемь лет. Мне было два с половиной года, когда ее взяли» (дачница из боровой деревни).

Многосоставность местного сообщества, наблюдаемого в границах одного природно-антропогенного объекта, множественность и взаимопересечение

нескольких локальных сообществ (местных жителей, дачников-горожан, горожан-туристов), отличающихся разной длительностью и регулярностью пребывания в бору, наличием предопределяющих связей (преимущественно родственных) с местом, обуславливают множественность норм и правил идентификации с местом, отсутствие единых критериев для определения собственного статуса по отношению к месту.

Зависимость от места: дополнительные доходы и дополнительные расходы

Зависимость от места обнаруживает себя одновременно в позитивной и негативной коннотации деятельностного аспекта чувства места [Резниченко, 2014: 21]. В рамках рассматриваемого эмпирического объекта зависимость от места представлена через конкретные практики: присваивающие неформальные экономические практики сельских жителей и практики горожан и туристов-старожилов по поддержанию рекреационного ресурса в пригодном для эксплуатации состоянии.

Собирательство является массовой практикой сельских жителей в высокий грибной и ягодный сезон и традиционно рассматривается как один из доступных способов получения дополнительного дохода:

«Для себя и на продажу, отдыхающих много, почему бы и не продать, если спрос есть... Летом люди на этом деньги зарабатывают» (сотрудники сельсовета).

Отдельно выделяется достаточно узкая группа профессиональных грибников, для которых доход от продажи дикоросов достигает значений, чувствительных для общего дохода домохозяйства. В таком варианте зависимость от места прямо пропорциональна возможностям получения дополнительного дохода от присваивающей деятельности в бору, которая, в свою очередь, определяется освоенностью и присвоенностью пространства бора, наличием в бору «своих мест» [Лаврусевич, 2023].

Наиболее наглядно зависимость от места в формате практик собирательства можно проследить в нарративах коренных жителей села, вспоминающих свои детские годы. Связь с бором описывается непосредственно в терминах жизнеобеспечения:

«Лес сейчас не кормит [по сравнению с периодом 1950-х годов]» (коренная жительница боровой деревни).

Иной аспект зависимости от места отмечается у дачников-горожан и туристов-старожилов на берегу Обского водохранилища, обслуживающих свои места сезонного проживания — дома в боровых сельских поселениях и самодельную инфраструктуру неформальных долговременных (а в отдельных

случаях и капитальных) туристических стоянок. Основную роль здесь играет поколенческая укорененность агента природопользования, наследование недвижимости в сельском поселении или неформальная передача по наследству присвоенного прибрежного пространства — туристической стоянки. Если для дачников-горожан наследование недвижимости носит не подлежащий отмене характер, то появление на туристической стоянке потомков ее основателей-старожилов вовсе не обязательно:

«Что касается нашего сына, то не ценит. Нет. Они приедут, условия есть, а больше им не надо...» (туристы-старожилы на берегу водохранилища, «хранители» береговых построек).

В этом случае зависимость от места выражается в разнообразных финансовых и временных расходах, обусловленных наличием собственности, в том числе символической, которой является туристическая стоянка. С увеличением укорененности привязанность к месту и зависимость от него тесно переплетаются. Сильные эмоциональные переживания, с одной стороны, возводят в ранг неотвратимости наличие «родового гнезда», несмотря на нестабильную транспортную доступность и удаленность боровых поселений от города. С другой стороны, сами по себе потраченные усилия, их капитализация вносят свой вклад в формирование привязанности:

«Тут все подготовлено. Мы все для себя сделали... Это же годами все делалось для того, чтобы было удобно» (туристы-старожилы, опыт пребывания на берегу более 30 лет).

Деятельностный аспект чувства места является ключевым для легитимации присвоения пространства бора. Соответствие практик природопользования, как хозяйственных, так и рекреационных, конвенциональным нормам экологичного, не хищнического отношения к окружающей среде определяет притязания на право пользования ресурсами бора:

«Потому что мы же в этом лесу выросли... Мы знаем, что можно, а что нельзя. А они пришли со своими какими-то догмами. Мы это не понимаем, почему. Мы дети природы, мы понимаем больше здесь, а вы чего-то нам тут диктуете, по какому праву?» (жители села об ограничениях лесопользования).

Примеры практик, иллюстрирующих зависимость от места профессиональных грибников, дачников-горожан и береговых туристов, показательны с точки зрения соотношения отдельных компонент чувства места. Зависимость от места для собирателей гораздо менее эмоционально нагружена и обусловлена привязанностью к месту, чем у укорененных туристов и дачников-горожан. Однако оба эти случая могут быть измерены через хозяйственную значимость и длительность опыта природопользования, а также

через объем «инвестиций» в место. Кроме того, оценке подлежит характер практик природопользования, степень их соответствия локальной культуре природопользования.

Удовлетворенность местом: прямое функциональное соответствие

Удовлетворенность местом представляется наиболее отрефлексированной и рационализированной составляющей из всех компонент чувства места.

Показательны в данном случае примеры дачников в сельских поселениях и туристов-горожан, поскольку для данных категорий пользователей бора выбор места сезонного проживания/рекреации в большинстве случаев доброволен, и в сам процесс выбора уже заложены достаточно четкие критерии соответствия места конкретным параметрам. Освоению места часто предшествует освоение других локаций и накопление опыта.

Дискурс случайных туристов выходного дня вполне предсказуем. Ценность места определяется исключительно как рекреационная и базируется на функциональном сравнении с другими посещенными локациями:

«Я объехала полмира... Меня на самом деле сюда загнала действительно пандемия. Ну, как бы, почему один раз не посмотреть... ну, прикольно, вода теплая, как ни странно, здесь глубина двенадцать метров, на удивление теплая вода» (туристка на мраморном карьере около д. Абрашино).

Но и для туристов-старожилов, демонстрирующих высокую эмоциональную привязанность, удовлетворенность местом достаточно утилитарна и обусловлена конкретным сравнительным преимуществом:

«Мы купили дачу в черте города, но сюда тянет. Здесь заманчиво: баня и море. Поэтому сюда тянет» (туристы-старожилы, опыт пребывания на берегу более 30 лет).

Дачники-горожане достаточно четко формулируют набор критериев (зачастую внутренне противоречивый) «лучшего места»: относительная нетронутость природы, изолированность, сочетающаяся с возможностью сообщения с большим городом, качество локального сообщества. Все это определяет удовлетворенность местом уставшего от мегаполиса горожанина. Оценки этой категории резидентов бора соединяют в себе эстетику («это самое красивое место в Новосибирской области») и функциональность («здесь все под руками», «здесь комплекс интересов»).

«Видите, я всегда хотел в деревне найти красивый угол, ... попал сюда случайно на охоте, мне тут понравилось, я пошел, походил по лесу,

понюхал воздух, посмотрел речку... здесь мне очень понравилось, потому что... тут так на отшибе немножко, ... люди простые, хорошие» (дачник).

Поиск уединения — мотив выбора места и для туристов-старожилов («сюда приехала — тут глухой лес был вообще»), но и сегодня при обилии туристов выходного дня они стараются сохранять привычный образ жизни на берегу. Удовлетворенность местом может как выступать источником формирования других компонент чувства места, так и быть их следствием. Рациональный выбор подходящего места сезонного проживания влечет привязанность и зависимость от него в будущем, в это же время предзаданная привязанность рационализируется в оценках места как «лучшего».

Заключение

Объединяющей смысловой категорией для всех компонент чувства места резидентов Караканского бора является присвоение пространства в том или ином масштабе: от границ конкретной туристической стоянки до бора как целостного природного объекта. Находясь в положении взаимообусловленности, привязанность к месту, зависимость от места и идентификация с местом приходят к общему знаменателю — восприятию места как «своего» или «нашего». В результате конструируются отношения собственности (принимающей в том числе и символическую форму), которые составляют основу легитимации практик природопользования индивидуального или коллективного агента. Эмоциональная привязанность к бору, идентификация себя как имеющего отношение к данной локации, опыт природопользования, в том числе инвестирования в место, дают агенту природопользования внутреннее моральное право на пользование и присвоение пространства и ресурсов бора.

Структура чувства места как многосоставного конструкта нередко внутренне противоречива. В нем переплетаются рациональные и иррациональные составляющие, добровольность и вынужденность, выбор и отсутствие такового. Эмоциональные переживания от встречи с природными красотами уравниваются, а иногда и подкрепляются бытовыми трудностями, что в итоге приводит к характеристике места как «лучшего».

Опыт места, через который формируются его ценность и отдельные составляющие чувства места, подразделяется на:

- родные места, места происхождения — опыт унифицирующий, опыт без выбора, создающий безусловную ценность, не основанную на сравнении;
- ресурсность места — опыт индивидуализирующий, который определяет прежде всего удовлетворенность местом. Ему предшествует выбор места, сравнение с другими освоенными местами.

Привязанность к родным местам по большому счету не зависит от того, какой тип ландшафта они представляют, в данном случае рационализации

отдельных компонент чувства места предшествует именно аффективная, иррациональная связь, в определенном смысле биологически обусловленная. Такой вариант формирования привязанности скорее универсален. Ресурсность места же специфична для конкретных ландшафтов, что в данном исследовании раскрывается в первую очередь через анализ восприятия биофизических характеристик Караканского бора. Именно личный опыт природопользования, жизни в бору и/или жизни бором представляет собой ту линзу, через которую преломляется индивидуальное восприятие природно-климатических, биофизических свойств ландшафта. Оставаясь формально неизменными, они в конечном итоге формируют индивидуальный мир Караканского бора для различных групп его пользователей.

Чувство места резидентов Караканского бора одновременно локально и глобально. Исторически укорененная изолированность и фронтирность бора и его поселений фокусируют внимание на его характерных особенностях, как территориальных, так и природно-экологических, что выводит на первый план локальную специфику формирования чувства места в контексте неформального природопользования. Множественность агентов природопользования, представляющих социальный ландшафт бора, с их социальными связями и предшествующим опытом определяют структурное разнообразие Караканского бора как пространства мест и вытекающие из него свойства глобальности чувства места [Massey, 1991].

Литература / References

Головнева Е. В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/2> EDN: ZVZEYP

Golovneva E. V. (2017) "Place Attachment" in Siberia: The Emotional Component in the Structure of Siberian Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedeniye* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]. No. 28. P. 17–26. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/28/2>

Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред. С. К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли, 2018. EDN: YNOZZZ

Nartova-Bochaver S. K. (ed.) (2018) *Dom i yego obitateli: psikhologicheskoye issledovaniye* [Home and Its Inhabitants: The Psychological Study]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russ.)

Жердева Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 5–11. EDN: VZZUXP

Zherdeva Yu. A. (2015) Sense of Place as a Concept of Social Memory. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kultury* [International Journal of Cultural Research]. No. 2. P. 5–11. (In Russ.)

Рагулина М. В. Биорегионализм — англо-американская версия синтеза науки и экологического движения // Юг России: экология, развитие. 2007. Т. 2. № 1. С. 110–112. EDN: MBVWWW

Ragulina M. V. (2007) Bioregionalism — Anglo-American Version of the Synthesis of Science and Ecological Movement. *Yug Rossii: ekologiya, razvitiye* [South of Russia: Ecology, Development]. Vol. 2. No. 1. P. 110–112. (In Russ.)

Лаврусевич П. Е. Жить бором или жить в бору: практики собирательства и присвоение пространства (кейс Караканского бора) // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 3. С. 73–94. DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-73-94>

Lavrusevich P. (2023) To Live with a Pine Wood or to Live in a Pine Wood: Gathering Practices and Space Appropriation (The Case of Karakansky Pine Wood). *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 24. No. 3. P. 73–79. (In Russ.) DOI: <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-73-94>

Плюснин Ю. М. «Свои» и «чужие» в русском провинциальном городе // Мир России. 2013. Т. 22. № 3. С. 60–93. EDN: [QCCUBD](https://www.edn.ru/QCCUBD)

Plyusnin Yu.M. (2013) “Locals” and “Aliens” in Russian Provincial Town. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 22. No. 3. P. 60–93. (In Russ.)

Резниченко С. И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 15–27. EDN: [SJNSJX](https://www.edn.ru/SJNSJX)

Reznichenko S. I. (2014) Attachment to Place and Sense of Place: Models and Phenomena. *Sotsialnaya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 5. No. 3. P. 15–27. (In Russ.)

Скалабан И. А., Алексеев Т. Д., Лаврусевич П. Е. Социальные миры Караканского бора: перспективы сближения и императивы справедливости // Мир России. 2024. Т. 33. № 1. С. 115–143. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143>

Skalaban I. A., Alekseev T. D., Lavrusevich P. E. (2024) The Social Worlds of the Karakan Pine Forest: Prospects for Rapprochement and Imperatives of Justice. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 33. No. 1. P. 115–143. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-1-115-143>

Скалабан И. А., Серебрянникова О. А. Территориальная идентичность как фактор социального участия: поколенный контекст // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2. № 1. С. 65–74.

Skalaban I. A., Serebryannikova O. A. (2014) Territorial Identity as Factor of Social Participation: Generational Context. *Idey i idealy* [Ideas and Ideals.]. Vol. 2. No. 1. P. 65–74. (In Russ.)

Филлипов А. Ф. Гетеротопология родных пространств // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 48–62.

Filippov A. F. (2002) Heterotology of native spaces. *Otechestvennye Zapiski* [Domestic Notes]. No. 6. P. 48–62. (In Russ.)

Ardoin N.M. (2014) Exploring Sense of Place and Environmental Behavior at an Ecoregional Scale in Three Sites. *Human Ecology*. Vol. 42. No. 3. P. 425–441. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10745-014-9652-x>

Ardoin N.M., Gould R.K., Lukacs H., Sponarski C.C., Schuh J.S. (2019) Scale and Sense of Place among Urban Dwellers. *Ecosphere*. Vol. 10. No. 9. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1002/ecs2.2871>

Bott S., Cantrill J.G., Myers O.E. (2003) Place and the Promise of Conservation Psychology. *Human Ecology Review*. Vol. 10. No. 2. P. 100–112

Cuba L., Hummon D. (1993) A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community and Region. *The Sociological Quarterly*. Vol. 1. No. 1. P. 111–131. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1993.tb00133.x>

Eanes F., Robinson P., Silbernagel J. (2018) Effects of Scale and the Biophysical Environment on Sense of Place in Northeastern Wisconsin's Bioregions. *Human Ecology Review*. Vol. 24. No. 1. P. 71–96. DOI: <http://dx.doi.org/10.22459/HER.24.01.2018.04>

Erfani G. (2022) Reconceptualising Sense of Place: Towards a Conceptual Framework for Investigating Individual-Community-Place Interrelationships. *Journal of Planning Literature*. Vol. 37. No. 3. P. 452–466. DOI: <https://doi.org/10.1177/08854122221081109>

Gallina M., Williams A. (2015) Variations in Sense of Place Across Immigrant Status and Gender in Hamilton, Ontario; Saskatoon, Saskatchewan; and, Charlottetown, Prince Edward Island,

Canada. *Social Indicators Research*. Vol. 121. No. 1. P. 241–252. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0636-4>

Hidalgo M. C., Hernandez B. (2001) Place Attachment: Conceptual and Empirical Question. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 3. P. 273–281. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0221>

Jorgensen B. S., Stedman R. C. (2001) Sense of Place as an Attitude: Lakeshore Owners Attitudes toward Their Properties. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 21. No. 3. P. 233–248. DOI: <https://doi.org/10.1006/jevp.2001.0226>

Kianicka S., Buchecker M., Hunziker M., Müller-Böker U. (2006) Locals' and Tourists' Sense of Place: A Case Study in a Swiss Alpine Village. *Journal of Mountain Research and Development*. Vol. 26. No. 1. P. 55–63.

Massey D. (1991) A Global Sense of Place. *Marxism Today*. P. 24–29.

Moore R. L., Graefe A. R. (1994) Attachments to Recreation Settings: The Case of Railtrail Users. *Leisure Sciences*. Vol. 16. No. 1. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.1080/01490409409513214>

Nanzer B. (2004) Measuring Sense of Place: A Scale for Michigan. *Administrative Theory & Praxis*. Vol. 26. No. 3. P. 362–382. DOI: <https://doi.org/10.1080/10841806.2004.11029457>

Pilkington H. (2012) "Vorkuta Is the Capital of the World": People, Place and the Everyday Production of the Local. *The Sociological Review*. Vol. 60. No. 2. P. 267–291. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/j.1467-954X.2012.02073.x>

Sale K. (2000) *Dwellers in the Land: The Bioregional Vision*. Athens: The University of Georgia Press.

Stedman R. C. (2003) Is It Really Just a Social Construction?: The Contribution of the Physical Environment to Sense of Place. *Society & Natural Resources*. Vol. 16. No. 8. P. 671–685. DOI: <https://doi.org/10.1080/08941920309189>

Stedman R. C. (2003) Sense of Place and Forest Science: Toward a Program of Quantitative Research. *Forest Science*. Vol. 49. No. 6. P. 822–829. DOI: <https://doi.org/10.1093/forest-science/49.6.822>

Tuan Y.F. (1997) *Space and Place: The Perspective of Experience*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Williams A., Kitchen P. (2012) Sense of Place and Health in Hamilton, Ontario: A Case Study. *Social Indicators Research*. Vol. 108. P. 257–276. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0065-1>

Williams D.R. (2014) Making Sense of "Place": Reflections on Pluralism and Positionality in Place Research. *Landscape and Urban Planning*. Vol. 131. P. 74–82. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.08.002>

Сведения об авторе:

Лавруевич Полина Евгеньевна — старший преподаватель, кафедра общей социологии экономического факультета, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия. **E-mail:** p.lavrusevich@g.nsu.ru. **РИНЦ Author ID:** 504233; **ORCID ID:** 0009-0002-0275-1177; **ResearcherID:** LRC-8099-2024.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024

Принята к публикации: 09.12.2024

БАК: 5.4.4

.....

"It Is All Mine, Native!": A Sense of Place in the Context of Informal Nature Management (the Case of Karakansky Pine Wood)⁴

DOI: 10.19181/inter.2024.16.4.2

Polina E. Lavrusevich Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
E-mail: p.lavrusevich@g.nsu.ru

The article reveals the analytical potential of the concept of a sense of place in the annex to such large natural objects as suburban forests. On the data of ethnographic case-study held in 2021–2022 in the Novosibirsk region, shown how the biophysical characteristics of the natural-anthropogenic landscape, refracting through the history of life and individual experience of natural resource management, participate in the formation of place attachment, place dependence, place identity and place satisfaction. The components of a sense of place include both rational and irrational components, voluntariness and necessity, choice and lack thereof. Personal experience of pine wood users — rural residents, summer residents and city tourists — is characterized by different degree of rootedness in the landscape, which qualitatively and quantitatively measured by the duration of permanent and seasonal residence, the presence of generational ties with the place, features of environmental management practices. The experience of place, which shapes the value of the place and through it the components of the sense of place, can be both unifying, creating unconditional value, not based on comparison (native places), and individualizing, creating comparative satisfaction and attachment to place (place resource). Strong emotional experiences of unity with nature are balanced, and often reinforced by economic difficulties, which as a result leads to perception of the place not only as the "best", but also as "native"; "own".

Key words: sense of place; place attachment; place dependence; place identity; place satisfaction; informal use of natural resources; Karakansky pine wood

Author Bio:

Polina E. Lavrusevich — Senior Lecturer, Sociology Department, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. **E-mail:** p.lavrusevich@g.nsu.ru. **RSCI Author ID:** 504233; **ORCID ID:** 0009-0002-0275-1177; **ResearcherID:** LRC-8099-2024.

Received: 10.09.2024

Accepted: 09.12.2024

⁴ The article is based on the results of the project "Informal practices of nature management in the Karakan pine wood: between social appropriation and social cooperation" with the participation of the Khamovniki Social Research Support Fund. Project manager: I. A. Skalaban, participants: P. E. Lavrusevich, T. D. Alekseev, E. A. Grach, A. V. Dubynin.